

М.Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян. М., 2016. 418 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0000470-0

Масштаб фигуры Лермонтова, огромное значение его творчества для нас, для всей русской литературы не вызывает никаких сомнений. Ученым-литературоведам, создававшим рецензируемую книгу, интересно было рассмотреть его творчество в контексте всех славянских литератур, проследить, как оно входило в культурное пространство славян, какой отклик находило в их культурной среде и когда именно этот интерес к великому русскому поэту начал проявляться. Собственно, впервые современное отечественное и зарубежное литературоведение подошло к данному вопросу столь масштабно и глубоко, решив рассмотреть проблему в таком широком контексте. В своей совокупности исследования, помещенные в настоящей книге, создали общую картину бытования произведений Лермонтова в славянском зарубежье, начиная с 1840-х годов вплоть до первых десятилетий XXI в.

Особо хочется отметить ясную и логичную композицию книги. Ее предваряет введение под заголовком «О контексте и мотивации проблемы», блестяще написанное ответственным редактором сборника Л.Н. Будаговой. Далее следуют четыре раздела, расположенные по принципу от общего к частному: от статей обзорного характера (раздел I), изучения контактных и типологических связей между отдельными произведениями Лермонтова и других славянских писателей (раздел II) до статей, посвященных произведениям Лермонтова, вызвавшим наибольший интерес у западных и южных славян

и до сих пор не дающим покоя исследователям и переводчикам — поэме «Демон» и драме «Маскарад» (раздел III). Раздел IV, озаглавленный строчкой из стихотворения поэта «Нет, я не Байрон, я — другой», завершает сборник. Сразу же хочется отметить, что богатство содержания книги и логика построения дают все основания считать ее даже не сборником статей, а полноценной коллективной монографией.

Введение очерчивает мотивацию, основные цели, задачи издания, его актуальность. Обозначенная здесь Л.Н. Будаговой сверхзадача книги отсылает нас к сверхзадаче всей современной литературоведческой славистики в целом: взглянуть на некое явление (в данном случае на творчество Лермонтова), на его восприятие разными народами «с высоты сегодняшнего дня, с высоты науки, свободной, как хотелось бы надеяться, от идеологических императивов недавнего прошлого и политической конъюнктуры настоящего, пересмотреть старые и найти новые аргументы, способные подтвердить плодотворность русско-славянских связей в становлении и функционировании национальных литератур» (с. 10–11). Кроме того, автор введения совершенно справедливо отмечает злободневность такого глубокого и детального изучения и освещения русско-славянских связей в свете сегодняшней политической и культурной разобщенности славянских народов и — как следствие — ослабления межславянских связей и даже памяти о них.

В первый раздел сборника, получивший название «Восприятие творчества Лермонтова за рубежом и в современной России», были включены статьи обзорного характера, посвященные специфике бытования и рецепции произведений Лермонтова в различных славянских странах. В самом широком контексте рассматривает вопрос о восприятии Лермонтова в Польше А.В. Липатов, размышляя в целом об особенностях зарубежной рецепции русской литературы. Отдельные авторы — И.И. Калиганов, Ю.А. Созина, Б. Косанович, Д. Ристецки взяли на себя огромный труд проследить всю историю восприятия произведений русского поэта соответственно в Болгарии, Словении, Сербии, Македонии, начиная с самых первых переводов и до настоящего времени. Из этих статей особо хочется отметить работы Калиганова и Косановича, очень богатые по содержанию, выделяющие все основные научные материалы, выходящие в Болгарии и Сербии о творчестве Лермонтова, глубоко анализирующие процесс изменения отношения к русскому поэту в этих странах в разные периоды истории. При этом Калиганов даже разрабатывает собственную периодизацию развития лермонтоведения в Болгарии, несколько отличающуюся от принятой в болгарском литературоведении. Кроме того, в конце статьи автор приводит обширную библиографию переводов основных произведений Лермонтова на болгарский язык и изданий его собраний сочинений и избранных сочинений в Болгарии.

Другие исследователи, чьи статьи также вошли в первый раздел книги, подробно остановились в своих научных материалах на анализе рецепции произведений Лермонтова в определенные исторические периоды: Д. Блюмова — в Чехии на рубеже XIX–XX вв., А.Г. Машкова — в Словакии в XIX — начале XX в., А. Элиаш — в Словакии в 1970-х–2010-х годах. Изучая эти статьи, сразу обращаешь внимание на то, насколько по-разному шел процесс освоения наследия Лермонтова отдельными славянскими народами. К примеру, поляки, чехи, сербы и хорваты уже в 1840-е годы начали переводить его стихотворения и повести, тогда как

словаки, словенцы, болгары, македонцы стали знакомиться с ними лишь в 1860–1870-е годы. При этом далеко не всем народам (особенно это касается словаков) импонировала лермонтовская критика «немытой России», ведь именно с Россией они, страдающие от иноземного владычества, связывали свои надежды на освобождение. Этим можно объяснить их изначально настроенное отношение к русскому поэту. Еще одно из любопытных наблюдений исследователей заключается в том, что популярность Лермонтова в различных славянских странах резко возростала в периоды общественных кризисов, скепсиса, разочарований, переоценки ценностей. Интересный взгляд ученого-лингвиста на творчество Лермонтова демонстрирует статья Н.Е. Ананьевой, рассматривающей полонизмы, польские реалии и, в целом, факты обращения поэта к польской тематике. На фоне многочисленных исследований о восприятии Лермонтова в странах Центральной и Юго-Восточной Европы неожиданным и приятным дополнением являются включенные в данный раздел статьи, посвященные тенденциям в современном российском лермонтоведении и новым традициям лермонтовских чтений в России (Т.С. Милованова, С.Ю. Ахметдинова).

Второй раздел сборника «Произведения Лермонтова и других писателей: типологические и контактные связи» состоит из десяти статей, в каждой из которых, как следует из названия, рассматриваются параллели между произведениями Лермонтова и произведениями других славянских авторов. Так, необычное для российского и словенского литературоведения сравнение приводит в своей статье М.Л. Бершадская, анализируя типологическое сходство на уровне тематики, композиции, поэтики и образной структуры между поэмой «Крещение у Савицы» Ф. Прешерна и поэмой Лермонтова «Последний сын вольности». Сравнение это необычно потому, что творчество великого словенского поэта давно принято сопоставлять с творчеством А.С. Пушкина, и такая традиция укоренилась уже довольно глубоко, од-

нако не менее плодотворным для изучения вопроса о своеобразии национально-исторических форм романтической поэмы оказывается и сравнение, которое приводится в данной статье. Рассуждая о лермонтовских героях, многие исследователи находят в славянских литературах родственные им явления: образы незаурядных личностей у Лермонтова сравниваются с подобными образами в словацкой поэзии (Н.В. Шведова); образы кавказцев в лермонтовской поэзии — с образами цыган у чешского поэта-романтика К.Г. Махи (А.В. Амелина); «печоринский» тип героя обнаруживается в ряде произведений словацкой литературы XX в. (Л.Ф. Широкова); образ русалки как героини литературы романтизма анализируется на примере произведений Лермонтова, Г. Гейне и М. Богдановича (С.Ф. Мусиенко). Особенности поэтики лермонтовских произведений, поднимаемые в его творчестве темы и проблемы становятся отправной точкой для сопоставительного анализа и рассуждений о связях, как контактных, так и типологических, с творчеством славянских писателей. Сквозь призму проблемы фатализма, столь значимой для творчества Лермонтова, рассматриваются произведения сербской литературы XX в. в статье С.Н. Мещерякова. Словенская исследовательница Н. Зайц сравнивает поэзию Лермонтова и поэзию С. Енко, акцентируя при этом внимание на проблеме лирического «я» у обоих поэтов. Творческие параллели и взаимосвязи между Лермонтовым и болгарским классиком И. Вазовым, к слову, много переводившим произведения русского поэта, находит в своей статье М.Г. Смольянинова. С точки зрения лермонтовских традиций и присутствия лермонтовского начала анализирует творчество Г. Сенкевича и А.К. Толстого Л.А. Мальцев, подчеркивающий несомненную перекличку романов «Огнем и мечом» и «Князь Серебряный» с «Песней про... купца Калашникова». Венчает эту часть книги статья И.Р. Монаховой, непосредственно погружающая читателя в лермонтовскую эпоху, в ее атмосферу, нравы и прекрасно иллюстрирующая ее цитатами из писем В.Г. Белинского. На примере от-

кликов Белинского на произведения Лермонтова особенно заметно, насколько творчество поэта было близко его современникам не только как образец высокой литературы, но и как выражение мыслей, чувств, воззрений их поколения.

Следующий раздел сборника составили статьи, в которых исследователи заострили свое внимание на двух вершинных творениях Лермонтова — поэме «Демон» и драме «Маскарад», каждое из которых почти на все славянские языки переводилось неоднократно. Рассматривая различные переводы «Демона» на чешский язык, начиная с самого первого, сделанного еще в 1863 г. Э. Ваврой, и оканчивая последним переводом М. Дворжака 2012 г., Н.К. Жакова прослеживает эволюцию восприятия зарубежными переводчиками и читателями этого произведения и его героев. Автор отмечает, как на язык перевода поэмы повлияли некоторые общие тенденции чешской поэзии (например отход от интонационных синтаксических знаков), а стремление сделать текст Лермонтова доступнее современному читателю нередко лишало перевод поэмы возвышенности и эмоционального накала. И.Н. Смирнова из нескольких переводов «Демона» на болгарский язык выбрала для анализа переводы Л. Любенова, Л. Стоянова и И. Вазова, придя к выводу о некотором упрощении образа Демона во всех трех случаях, об определенной болгаризации образных средств (олицетворения, метафор) и отдельных переводческих ошибках.

Что касается лермонтовской драматургии, то она находила путь к читателю и зрителю труднее и дольше всех других произведений. Драма «Маскарад» пользовалась наибольшей популярностью, но и ее начали переводить на славянские языки лишь в XX в. Среди статей, вошедших в сборник, три посвящены постановкам «Маскарада» на чешской и словацкой сценах (статьи И.А. Герчиковой, И. Райховой, М. Бабиака). Далекое не все рассматриваемые постановки были удачными, не всегда бравшиеся за пьесу режиссеры, а вслед за ними и публика, приходившая в театры, были

достаточно подготовлены к производству такой сложности и масштаба, как «Маскарад». Однако сам факт того, что в Чехии и Словакии в последнее десятилетие появилось несколько новых постановок «Маскарада», доказывает, что Лермонтов остается востребованным автором и его драматургия по-прежнему злободневна.

Интересным и нетривиальным композиционным решением стало вынесение обширной обобщающей статьи Л.Н. Будаговой «О специфике восприятия творчества М.Ю. Лермонтова западными и южными славянами» в особый раздел IV, озаглавленный строчкой из стихотворения поэта «Нет, я не Байрон, я — другой». Данная статья — это не просто некое заключение и обобщение всего вышесказанного, отнюдь не краткое резюме, которым порой принято завершать подобные научные сборники. В первую очередь, это интересное индивидуальное исследование автора, в котором анализируется неоднозначный и асинхронный процесс восприятия творчества Лермонтова у славян, хронология и особые выявленные пристрастия различных народов к отдельным его произведениям. Рецепция Лермонтова, как объясняет Л.Н. Будагова, способствовала развитию и совершенствованию романтизма и реализма у славян, с одной стороны, привнеся в романтизм, склонный у них к героической эпике, субъективно-лирическое начало, а с другой — освободив реализм от рудиментов романтического стиля, усилив в нем критико-аналитическое начало. Опыт Лермонтова участвует и в развитии психологической прозы, в пробуждении интереса к образам «лишних», «странных» людей, чей индивидуализм начинает ассоциироваться с борьбой личности за духовную свободу, за право человека быть самим собой. Но главное — творчество русского поэта предвосхитило возникновение модернизма рубежа веков. Глубокий знарок славянского модерна, Л.Н. Будагова проводит любопытное сравнение «Героя нашего времени» Лермонтова и произведений модернизма на

уровне композиции, образа главного героя, идейном уровне, приходя к выводу о том, что «уже нетрадиционностью своего романа Лермонтов стихийно соединяется с эпохой модернизма, взбунтовавшегося против общепризнанных канонов, а точнее — ее предвещает» (с. 365). Интересен также представленный в статье анализ знаменитого стихотворения Лермонтова «Из Гете», которое, вопреки сложившейся традиции, Л.Н. Будагова относит не к философско-элегической (решающей проблемы смерти и бессмертия), а в большей мере к жизнеутверждающей пейзажной лирике (создающей умиротворяющую картину вечера в горах). Заключительные строки «Подожди немного, / Отдохнешь и ты» она трактует как обещание усталому путнику не вечного успокоения в конце жизненного пути, а всего лишь приятного отдыха под домашним кровом.

Не случайно в название этого особого раздела была вынесена лермонтовская строчка, в которой он сравнивает себя с Байроном. Тема сравнения Лермонтова и великого английского поэта-романтика возникает и во многих стихах сборника. Байрон, наряду с немецкими романтиками, безусловно, был одним из первых, кто привлек внимание практически всех славянских поэтов-первопроходцев романтизма в своих странах. И явление «байронизма», естественно, не было чуждо и славянским романтикам (полякам Адаму Мицкевичу и Юлиушу Словацкому, чеху Карелу Гинеку Махе, черногорцу Петару Негошу, сербу Бранко Радичевичу, словенцам Матию Чопу и Станко Вразу). Но вот на что обращает свое внимание Л.Н. Будагова: пик востребованности Байрона в славянской среде приходится на 1820–1830-е годы, тогда как ближе к концу XIX в. все более значимым становится культ Лермонтова. В конце столетия уже сложно было найти славянских поэтов и писателей, которые бы увлекались Байроном — творчество Лермонтова буквально заслонило его собой. Горячими поклонниками Лермонтова были практически все самые крупные славянские литераторы того времени: чешские поэты Сватоплук Чех и Йозеф Сватоплук Махар, словацкий поэт

и писатель Янко Есенский, словенец Симон Енко и многие-многие другие.

В заключение можно сказать, что в результате работы российских и зарубежных специалистов у нас появился еще один глубокий и масштабный труд, обращенный не только к научному сообществу, но и ко всем неравнодушным к творчеству Лермонтова, всем любителям русской литературы и интересующимся

литературами зарубежными, в том числе славянскими. Труд, который прекрасно демонстрирует плодотворность русско-славянских связей и то, как для других народов русская литература порой становилась образцом и стимулом для собственных усилий в создании своей высокой литературной культуры.

© 2018 г. *Пескова А.Ю.*